

Э. А. Синецкая*

Некоторые штрихи¹ «культурной революции»

Аннотация. В статье изложена краткая история работы с молодёжью в период развёртывания «культурной революции», после её активной фазы и во время нахождения молодёжи на «перевоспитании» в сельской местности, даны оценки этой политической кампании, а также такому литературному явлению как «литература шрамов». Поскольку эта тема всё ещё волнует не только участников событий, но и более молодые поколения, в статье рассматриваются некоторые детали биографий и социокультурного бэкграунда отдельных деятелей «культурной революции», а также, если так можно выразиться, «китайская специфика» самой «культурной революции». Из немалого количества её особенностей «культурной революции» затрагиваются как самые выпуклые — делегирование молодым (преимущественно школьникам средних классов) борьбы с «ревизионистами и идущими по капиталистическому пути», так и малоизвестные — например, существование черного рынка книг, описанного в литературе провинции Сычуань.

* **Синецкая Эльвира Андреевна** (1939–2024), канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва). В память об Э. А. Синецкой отделом Китая подготовлен сборник трудов «Женщины Китая» (отв. ред. И. В. Белая), планируемый к изданию в ближайшее время.

¹ Из объяснений этого «многозначного термина» — «характерная сторона чего-нибудь» [Значение слова «штрих»]. Интересен перевод слова «штрих» как «способ извлечения звука» [Штрих].

Ключевые слова: культурная революция, хунвейбины, литература шрамов, культурно-производственные отряды, черный рынок, купля-продажа книг, Сычуань

Elvira A. Sinetskaya^{**}

Some Traits of the “Cultural Revolution”

Abstract. The article presents a brief history of youth policy during the "Cultural Revolution", after its active phase and during the youth's "re-education" in the countryside, gives an assessment of this political campaign, as well as of such literary phenomenon as "scar literature". Since this topic is still of concern not only to the participants in the events, but also to younger generations, the article discusses some details of the biographies and sociocultural background of individual figures of the “cultural revolution”, and also the “Chinese specifics” of the “Cultural Revolution” itself. Among the many features of the “cultural revolution” the paper touches both the most prominent ones — the delegation of the fight against «revisionists and those following the capitalist path» to the young (primarily middle school students), as well as the little-known ones — for example, the existence of a black market in books, described in the literature of Sichuan Province.

Keywords: Cultural Revolution, hongweibing, scar literature, shanghen wenxue, wengong tuan

«Культурная революция», подойдя к своему концу, уступила место недолгой «пекинской весне» (*Бэйцзин чжи чунь* 北京之春) — «периоду некоей политической либерализации Китая с ноября 1978 г. по апрель 1981 г.» [Пекинская весна], периоду, можно сказать, политической оттепели. Десять лет «культурной революции» «современные политики и историки КНР» оценивают как

^{**} **Sinetskaya Elvira Andreevna** (1939–2024), Ph. D. (History), Senior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow). The China Department has prepared a collection of works entitled «Women of China» (ed. by I. V. Belaya) in memory of E. A. Sinetskaya, which is planned to be published in the nearest future.

«великое и страшное бедствие в истории Китая, которое принесло стране наиболее серьезные неудачи и потери за тридцать лет со времени основания КНР» [Усов 2009, с. 331].

Е Цзяньин 叶剑英 (1897–1986)², один из «десяти маршалов-основателей Народно-освободительной армии», был «ключевым сторонником Дэн Сяопина 邓小平 (1904–1997) в его борьбе с Хуа Гофэном 华国锋 (1921–2008)» [Культурная революция]. После прихода Дэна к власти Е Цзяньин, председатель Постоянного комитета ВСНП и формальный глава государства, на рабочей конференции ЦК КПК 13 декабря 1978 г. сказал, что «20 млн человек погибли, 100 млн человек подверглись преследованиям, и 80 млрд юаней было потрачено впустую во время Культурной революции» [Там же]. Сам инициатор и руководитель этой политической кампании Мао Цзэдун 毛泽东 (1893–1976), «на склоне лет оценивая свою деятельность, заявлял, что за всю свою жизнь он совершил два величайших дела. Первое — сверг Чан Кайши и выгнал его на Тайвань, победил японский империализм и выгнал его из Китая. Второе — “победоносно провел великую пролетарскую культурную революцию” (*учань цзецзи вэньхуа да гэмин* 无产阶级文化大革命, или *вэнь-гэ* 文革)» [Чудодеев 2016³]. При этом «Мао заявлял, что культурные революции надо проводить через каждые 7-8 лет, то есть давать встряску всему китайскому народу и очищать структуры административные и партийные от возрождающихся ревизионистов и буржуазии сверху донизу» [Там же]. Время проходит, и некоторые констатируют, что «оценочных мнений китайских исследователей по “культурной революции” явно недостаточно», «официальная оценка не сформулирована». Объясняют это и осторожностью тех, кто «выжил в огне “культурной революции” и предпочитает не обсуждать то, что может оказаться впоследствии запретной темой»; и, вероятно, тем, что «лидеры страны не могут позволить себе “раскачать лодку”, в которой плывет более чем миллиардная страна», и тем, что «субъективные оценки разных поколений лидеров не могут не отличаться» [Стульникова 2016, с. 15]. Цити-

² Краткую биографию Е Цзяньина см. в Приложении.

³ Настоящий материал произведен иностранным агентом «Радио Свобода».

руемый автор далее приводит, как представляется, и общечеловеческую, и российскую оценку «культурной революции» как «сугубо отрицательной, так как нельзя положительно оценить период массовых беспорядков, убийств и разрушения культурных ценностей» [Там же], с чем можно, естественно, только согласиться. Но два коротких предложения в той же работе приводят в оторопь. Если первое из них: «Современная оценка “культурной революции” должна учитывать, что Китай активно развивался и в период “культурной революции”» [Там же, с. 16], представляется скорее ошибочным или переоценивающим ситуацию, во всяком случае — спорным, то второе: «Положение страны было тем фундаментом, на котором в последующем выстроились реформы Дэн Сяопина и его последователей и которые вывели Китай на уровень новой сверхдержавы» [Там же], вызывает изумление, ибо совершенно не объяснено, что именно в период «массовых беспорядков, убийств и разрушения культурных ценностей» может быть рассмотрено в качестве названного автором «фундамента» для «выведения Китая на уровень новой сверхдержавы».

Подошедший к оценке результатов той же политической кампании с иного ракурса А. В. Виноградов выразил свою мысль так: «“Культурная революция”, вскрыв ущербность прежней модели общественного развития [Китая], освободила пространство для новых направлений поиска. Только после 1978 г., когда впервые в новейшей китайской истории начался устойчивый экономический рост, появились основания характеризовать проводимый курс как самобытный и оригинальный путь развития. Освобождение от идеологических стереотипов позволило говорить и о национальной идентичности как о самостоятельной категории, а идея “модернизации китайского типа” потеснила теорию социалистического строительства. <...> Главной проблемой [новой] концепции глобализации стало не противоречие традиционного и современного, а взаимосвязь глобального и национальной идентичности» [Виноградов 2006, с. 7–8]. «Логика исторического развития Китая» показывает, что «нет смысла говорить о социально-экономическом строе как об альтернативном капитализме», эффективнее — «о модели модернизации, свойственной неевропейским странам, избравшим западные средства для движения по пути догоняющего развития» [Там же, с. 11]. Одна-

ко, сожалеет данный автор, «всё же в массиве китаеведческой литературы по-прежнему работ по социально-политическим процессам и культуре, где оценить характер изменений гораздо сложнее, значительно меньше, но даже имеющиеся не рассматривают социокультурное и социально-политическое развитие как процесс поиска новой социально-исторической общности — идентичности» [Там же, с. 20].

Что же касается самого процесса «культурной революции», нельзя не отметить его главную особенность: к политической кампании Мао Цзэдун подключил «свободную от норм традиционного общества [учащуюся] молодёжь», рассчитывая с её помощью «нейтрализовать влияние традиций, уже ассимилировавших к тому времени иностранные схемы» [Там же, с. 10]. Конечно, молодёжь была активна и в 50-е годы, в период кампании «Пусть расцветают все цветы» (букв. «сто цветов равно распускаются» *бай хуа ци фан* 百花齐放) [Усов 2009, с. 322], не говоря уже о событиях на площади Тяньаньмэнь 天安门 — «события 4 июня» (*лю-сы шицзянь* 六四事件)⁴, где главными участниками были студенты. Но в «культурной революции» именно молодым было переадресовано право вершить суд над неугодными тогдашней политической власти лицами. «Обработанной маоистской пропагандой и наэлектризованной встречами с “великим вождем и учителем” молодёжи предстояло ринуться на разгром партийных комитетов, органов власти, профсоюзов», интеллигенции, что она «фанатически» и осуществляла [Юрьев, Глунин, Григорьев 1974, с. 504]. По всей стране происходили унижения, избиения, доведение до самоубийства и даже убийства партийных работников, деятелей литературы и искусства, школьных учителей и просто соседей, коллег по работе. Но отнюдь не всегда это были расправы с неугодными маоистам людьми, при-

⁴ «Пекинские студенты вышли на эту [Тяньаньмэнь] площадь с требованиями демократических свобод и прекращения “спекуляций партработников”. Так как власти наотрез отказались от диалога, студенты объявили голодовку. Их поддержали заполнившие улицы горожане. На самом деле пекинцев волновали не столько “демократические свободы”, сколько “спекуляции партработников”... Лесным пожаром охватившее страну движение протеста затихло вместе с треском выстрелов...» [Юй 2012, с. 12–13].

численными к так называемым ревизионистам или «идущим по капиталистическому пути»; нередко это было сведение личных счётов или припоминание «старых грехов» отцов (например, служба отца рядовым в гоминьдановской армии или бывшего, пусть и «удачно» разорившегося ещё до 1949 г., землевладельца). А «на излете культурной революции... борьба с идеями превратилась в борьбу с прелюбодеями. У некоторых людей подавленная сексуальность переходила в стремление отлавливать “морально опустившихся”». Их долго выслеживали и наконец «настигали на месте преступления» (а потом выпытывали подробности) [Юй 2012, с. 64], иногда доводя влюблённых до самоубийства, ибо это считалось также тлетворной, вредной идеологией, буржуазным поведением.

Собственно, началом «культурной революции» считается выступление 25 мая 1966 г. преподавательницы философии⁵ Пекинского университета Не Юаньцзы 聂元梓 (1921–2019) с жёсткой критикой «буржуазной» университетской администрации и призывом к молодёжи сплотиться в борьбе с ревизионистами. (Не Юаньцзы явно не принадлежала к молодёжи, но есть версия, что её выступление инициировали некоторые лица из ближайшего окружения Мао Цзэдуна, скорее всего — Кан Шэн 康生 (1898–1975)). А 29 мая по инициативе ученицы школы при Пекинском педагогическом университете Сун Биньбинь 宋彬彬 (р. 1949)⁶ учащиеся школы объединились в отряд, назвав себя «красногвардейцами» (*хунвэйбин* 红卫兵), подобный отряд создала и Не Юаньцзы в Пекинском университете. Дацзыбао⁷ Не Юаньцзы по приказу Мао Цзэдуна было зачитано по радио и опубликовано в партийной печати (1–2 июня)⁸. Её призыв («Решительно, ради-

⁵ См. [Дмитриев 2017]. По другой версии — «крупного административного сотрудника Пекинского университета» или секретаря парторганизации отделения философии, см. [Не Юаньцзы; Kang Sheng].

⁶ Краткие биографии Не Юаньцзы, Кан Шэна и Сун Биньбинь см. в Приложении.

⁷ *Дацзыбао* 大字报 — рукописная стенгазета или листовка, чаще индивидуальная, написанная большими иероглифами; в Китае использовалась для выражения протеста или пропаганды.

⁸ [Выступление на рабочем совещании ЦК]. См. также: «Мао Цзэдун: “Дацзыбао Не Юань-цзы от 25 мая представляет собой мани-

кально, целиком и полностью искоренением засилья и зловерные замыслы ревизионистов! Уничтожим монстров — ревизионистов хрущёвского толка!») услышали миллионы школьников и студентов. К июлю 1966-го отряды хунвейбинов образовались почти во всех высших и средних учебных заведениях, по разным оценкам в движение вовлеклось от 40 до 90 млн человек в возрасте от 13 до 20 лет [Дмитриев 2017]. Мао Цзэдун написал приветственное послание первой организации хунвейбинов. Название этой молодёжной организации («красногвардейцы») очень понравилось Мао, и он похвалил её членов, заявив: «Мы оказываем горячую поддержку всем, кто занимает такую же, как и ваша, революционную позицию в великой культурной революции, будь то в Пекине или в стране в целом» [Хунвейбины]. В августе в Пекине состоялся XI Пленум VIII состава ЦК КПК, на котором провозглашалось: «Отважным застрельщиком выступает большой отряд неизвестных дотолё революционных юношей, девушек и подростков. Они напористы и умны. Путём полного высказывания мнений, полного разоблачения и исчерпывающей критики с помощью дацзыбао и широких дискуссий они повели решительное наступление на открытых и скрытых представителей буржуазии. В таком великом революционном движении им, разумеется, трудно избежать тех или иных недостатков. Однако их революционное главное направление неизменно остаётся правильным. Таково главное течение великой пролетарской культурной революции, таково главное направление, по которому она продолжает двигаться вперёд» [Там же]. Все эти высокие оценки, оказываемое внимание и поддержка, прямо-таки восхваления участников нового молодёжного движения и самим Мао Цзэдуном (он с августа по ноябрь 1966 г. присутствовал на восьми митингах хунвейбинов на площади Тяньаньмэнь) и XI Пленумом VIII состава ЦК КПК, естественно, резко повышали самооценку молодёжи, практически поставив её и над партией⁹, и над зако-

фест Парижской коммуны Китая 60-х гг. XX в. По значению это событие превосходит Парижскую коммуну. Мы не смогли написать такую дацзыбао»» [Беседа с руководящими работниками ЦК].

⁹ Как писала в августе 1966 г. «Жэньминь жибао» 人民日报, все партийные организации «безоговорочно» должны принимать «контроль и критику со стороны народных масс». «Гонения на партийные кадры при-

ном [Дмитриев 2017; Хунвейбины]. К тому же вновь назначенный министр общественной безопасности Се Фучжи 谢富治 (1909–1972)¹⁰ дал им как бы бессрочную, полную индульгенцию на все их поступки, заявив перед собранием сотрудников китайской милиции: «Мы не можем зависеть от рутинного судопроизводства и от уголовного кодекса. Ошибается тот, кто арестовывает человека за то, что он избил другого... Стоит ли арестовывать хунвейбинов за то, что они убивают? Я думаю так: убил так убил, не наше дело... Мне не нравится, когда люди убивают, но если народные массы так ненавидят кого-то, что их гнев нельзя сдерживать, мы не будем им мешать... Народная милиция должна быть на стороне хунвейбинов, объединиться с ними, сочувствовать им, информировать их...» [Хунвейбины]. Се Фучжи, в отличие от других генералов НОАК, «стремился развить их [хунвейбинов] организации как параллельную армию, особые силы безопасности» [Xie Fuzhi]. У «банды четырёх»¹¹ были, казалось бы, аналогичные идеи — о создании военизированных формирований молодёжи, однако только лишь для того, чтобы «уравновесить мощь НОАК» [Xie Fuzhi]. Хунвейбины были юридически автономными организациями [Хунвейбины], но их призывали обмениваться опытом — приезжать в любой город, приезжать в Пекин с любыми вопросами, дабы быть в курсе событий. С этой целью министерство транспорта осенью 1966 г. выделило хунвейбинам бесплатные поезда для разъездов по стране [Юрьев, Глунин, Григорьев 1974], им гарантировали ночлег, они получали бес-

обрели массовый характер. В листовках и дацзыбао объявлялись “ревизионистами”», сторонниками капитализма один за другим члены ЦК, руководители правительственных органов, крупные военные и политические работники. Почти все руководящие органы КПК и народные комитеты на местах — в провинциях, автономных районах, городах — были объявлены «гнездами черных бандитов» [Юрьев, Глунин, Григорьев 1974].

¹⁰ Краткую биографию Се Фучжи см. в Приложении.

¹¹ «Банда четырёх» (*сы жэнь бан* 四人帮): жена Мао Цзэдуна Цзян Цин 江青 (1914–1991), секретарь шанхайского горкома КПК Чжан Чуньцяо 张春桥 (1917–2005), журналист Яо Вэньюань 姚文元 (1931–2005), «главный идеолог партийной группировки “шанхайских радикалов”, а также шанхайский “рабочий вожак”» Ван Хунвэнь 王洪文 (1935–1992) [Имантов 2015].

платное питание и нередко армейское обмундирование [Там же]. 18 августа на площади Тяньаньмэнь для встречи с Мао Цзэдуном собралось около миллиона (а возможно, более миллиона или даже полтора миллиона [Там же]) хунвейбинов, которые клялись в верности Мао Цзэду, скандировали здравицы в его честь и цитаты Мао, а некоторые плакали от восторга [Куртуа и др. 2001].

Не полностью ясной представляется позиция Чжоу Эньлая: был ли он согласен с идеей Се Фучжи, говоря на проходящем в Пекине митинге, что хунвейбины «превратятся в надёжный резерв НОАК» [Там же] (то есть придерживался определённой установки, вероятно самого Мао Цзэдуна, проводить «эту погромную антипартийную кампанию прежде всего хунвейбинами и цзаофанями»¹², тогда как армия сохранялась как резерв и не вводилась в действие [Юрьев, Глунин, Григорьев 1974] до какого-то времени «икс»), или поддерживал идею «банды четырёх» в их понимании использования этого «резерва» (что выглядело внешне похоже — создание военизированных формирований молодёжи) лишь для того, чтобы «уравновесить мощь НОАК» [Xie Fuzhi], или же просто констатировал переход хунвейбинов на государственное довольствие и ничего более иного не имел в виду.

Феномен движения хунвейбинов по массовости охвата (практически вся городская молодёжь) и степени власти, переданной государством в их руки, не имел себе равных. «На несколько месяцев хунвейбины стали фактически хозяевами страны» [Дмитриев 2017]. Массовое передвижение молодёжи по стране проводилось не только с предполагаемыми целями. Нередко осуществлялись частные или коллективные поездки, скорее напоминающие туристические. Это, бесспорно, расширяло кругозор молодых людей, знакомило их со своей родиной, что вряд ли было бы возможно для большинства из них в иной ситуации, но явно приводило как минимум к дезорганизации транспорта¹³.

¹² Цзаофани (*цзаофань* 造反 «бунтари») — созданные в 1966 — 1968 гг. группировки чаще всего низкоквалифицированных и временных рабочих, мелких служащих, обычно более старшего возраста, чем хунвейбины, лет тридцати [Цзаофани].

¹³ Писатель Юй Хуа вспоминает о своей большой зависти времён «культурной революции» к тогдашним подросткам, которые «успели поучаствовать в “межхунвейбинском обмене революцион-

Однако вскоре бесчинства хунвейбинов (их столкновения между собой, выстраивание своих иерархий, в некотором смысле борьба за власть, разделения на некие фракции, слияния, переходы в другие организации), их отношения с отрядами цзаофаней, когда, как говорится, клянясь на одной и той же красной книжнице цитат Мао Цзэдуна, различные молодёжные группы вступали в противоречия, порой весьма непримиримые — всё это начало раздражать руководство. Нередко и те и другие ещё конфликтовали и с отрядами самообороны местных парткомов, а порой и с ополчением местных горожан. Это привело к тому, что страна погрузилась в хаос [Дмитриев 2017], исчезла социально-политическая стабильность — всего «через год выяснилось, что новые структуры власти оказались неспособны контролировать массовое движение» [Виноградов 2006, с. 20]. Пытались создавать так называемые «комитеты трёх [сил]» (*сань вэй* 三委) в составе представителей армии, хунвейбинов и кадровых работников¹⁴. Но этих юношей и девушек «с горящими глазами, становившихся слишком опасными, одиозных, страдавших манией величия» [Ст-Жюст 2020], остановить уже было практически невозможно. И если «исторически в Китае конфликт поколений скрадывался социально-политическими институтами и традиционной этикой» [Виноградов 2006, с. 20], то теперь это, наравне с прочими традициями, более не работало. «Мао был вынужден укрепить личную власть, ставшую единственной точкой общественной консолидации» [Там же]. Несмотря на то, что с февраля 1967 г. части Народно-освободительной армии Китая приступили

ным опытом»», «под предлогом “делания революции” “совершили самое долгое и захватывающее путешествие в своей жизни”», на что по возрасту, будучи учеником начальной школы, он не имел права, и спустя годы находили слушателей своих рассказов о больших городах, о далеких местах, о больших реках, о красивых видах. Собирались же ребята в поход «за тысячу километров на родину Мао Цзэдуна» (весьма популярное и частое путешествие), но «заблудились» и посетили много интересных мест [Юй 2012, с. 158–159].

¹⁴ «В тех местах и организациях, где нужно взять власть, необходимо взять революционный курс «объединения трех сторон», создавать революционные, представительные, обладающие пролетарским авторитетом временные органы власти. Эти органы власти лучше называть революционными комитетами» [Указание относительно объединения трёх сторон].

к ликвидации наиболее радикальных молодёжных отрядов, несмотря на то, что летом 1968 г. на встрече в Пекине Мао Цзэдун приказал лидерам молодёжи прекратить деятельность их отрядов, при этом самых радикальных из них расстреливали, заключали в тюрьмы, усмирение молодых растянулось на целый год. Всё закончилось массовой отправкой бывших бунтарей «на перевоспитание» в сельские, часто горные районы КНР. По мнению известного писателя Юй Хуа 余华 (р. 1960), это было «правильное разрешение Мао Цзэдуном серьезной проблемы: надо было куда-то девать 16 миллионов выпускников школ¹⁵, последние три года вместо учебы занимавшихся "воинственной борьбой" и налетами на дома [жителей городов и посёлков] в поисках "контрреволюционных предметов". Еле поворачивавшаяся экономика не могла обеспечить им рабочие места в городах, и одичавшая молодежь стала фактором социальной нестабильности» [Юй 2012, с. 160].

Но «официально о роспуске движения было объявлено в 1978 г.» [Дмитриев 2017].

Как пишет в предисловии к своим «Десяти словам про Китай» Юй Хуа (сам он называет это своё произведение «сборником эссе» [Юй 2012, с. 6]): «Гомер сказал: "Боги ткут человеческие несчастья, дабы грядущим поколениям было о чем слагать песни"» [Юй 2012, с. 5]). Эта горестная ирония Гомера более чем подходит к разговору о «культурной революции», ведь именно с 1978 г. появляется так называемая «литература ран и шрамов», «повествовавшая о ещё не затянувшихся ранах и душевных муках

¹⁵ Отнюдь не все смогли получить документ об окончании той или иной ступени школы. Так вспоминала эти годы известная писательница Ван Аньи 王安忆 (р. 1954): «Десять лет "культурной революции" пришлось на период моей жизни с двенадцати до двадцати лет. Из ребенка, не имевшего никакого представления о жизни и мире, я превратилась во взрослого, который знает крайне мало. На протяжении этих десяти лет я не получала образования... у меня даже не было какого-нибудь диплома об окончании начальной школы. Из того, что мне следовало бы понимать, я не понимала ничего, зато поняла многое, чего не следовало: подбирала на улицах листовки, писала "дацзыбао" на своих учителей, выходила из дома, чтобы почитать известные общительные газеты и журналы, участвовала в публичных шельмованиях, кричала "долгой тех-то и тех-то", видела обыски...» (цит. по: [Семенюк 2017, с. 17].

жертв культурной революции». Лишенные тогда голоса и возможности высказаться, участники тех событий наконец получили шанс поведать всем о своем десятилетнем горьком опыте. Именно трагический опыт «культурной революции» стал главным импульсом к началу литературного творчества для поколения, чьи отрочество и юность совпали с периодом этого политического эксперимента, «фанатичного, подавляющего естественные человеческие чувства, корежащего судьбы» [Юй 2012, с. 6].

Согласно Мао Цзэду, основным объектом изображения деятелями литературы и искусства должны были быть рабочие, крестьяне и солдаты, которым должны быть доступны и литература, и искусство. Но поскольку «они неграмотные, невежественные, некультурные», то им требуются такие «знания и произведения литературы и искусства, в каких они остро нуждаются и какие им легко воспринять» [Никитина 2017, с. 36]. В произведениях «необходимо изображать светлые стороны жизни народных масс», в отношении же их недостатков возможна только «критика и просвещение», повышение их культурного уровня. Обличению могут быть подвергнуты лишь темные, отрицательные типы — «агрессоры, эксплуататоры, угнетатели, но не сами широкие народные массы» [Там же].

23 мая 1968 г. в «Литературном вестнике» («Вэньхуй бао» 文汇报) вышла в свет статья Юй Хуйюна 于会泳 (1926–1977)¹⁶ под названием «Пусть мир литературы и искусства навечно станет фронтом пропаганды идей Мао Цзэдуна» («Жан вэньи цзе юньюань чэньэй сюаньчуань Мао Цзэдун сысян дэ чжэньди» 让文艺界永远成为宣传毛泽东思想的阵地), в которой были обнародованы новые критерии литературно-художественного творчества эпохи «великой пролетарской культурной революции» [Там же, с. 50]. Художественное творчество должно было строиться по технологии «трех сочетаний» (*сань цзехэ* 三结合) — тесного сотрудничества между партией, писателем и массами [Там же]. Политический критерий окончательно возобладал над художественным, и культурная жизнь Китая была сведена к восьми «образцовым пьесам» [Там же, с. 53],

¹⁶ На тот момент возглавлял Шанхайский театр пекинской оперы, с 1975 по 1977 гг. был министром культуры КНР, после разоблачения «банды четырех» был арестован, покончил с собой.

а многообразие литературных персонажей — к «идеальным героям», черпавшим вдохновение и мудрость исключительно из произведений Мао Цзэдуна [Там же]. Идейно-художественная заданность, идеализированное воспроизведение действительности, сосредоточенность на политических и производственных вопросах и игнорирование проблем семьи, темы любви, обуславливают низкую художественную ценность произведений начала 1970-х гг.; характерам и обстоятельствам, естественно, не хватало психологизма и правдивости. Советские востоковеды увидели в этом так называемый «установочный псевдореализм»: «произведения, созданные в соответствии с пропагандистскими установками, сами играют роль установок» [Судьбы культуры КНР 1978, с. 225, цит. по: Никитина 2017, с. 94]. Как писал А. Н. Желоховцев (литературовед-китаист и переводчик), в годы «культурной революции» маоистская идеология окончательно отринула отражение «вечных тем» в литературе: любви (даже родительской) и смерти, видя в них проявление ревизионистской тенденции и буржуазного индивидуализма — «в этом толковании “вечных тем”, по существу, речь шла об освобождении литературы отнюдь не от буржуазного индивидуализма, а от личностного начала вообще, о ее полной дегуманизации» [Желоховцев 1979, с. 180, цит. по: Никитина 2017, с. 94].

Одной из «первых ласточек»¹⁷ нового литературного направления стал рассказ «Шрамы» («Шанхэнь» 伤痕) Лу Синьхуа 卢新华 (р. 1954), пытавшийся проговорить феномен «культурной революции», и по названию которого получило название все направление. Он был издан в Шанхае 11 августа 1978 г. тиражом 1,5 млн экземпляров [Чжао 2017] в приложении к «Литературному вестнику» [Littérature des cicatrices]¹⁸. Сюжет рассказа довольно характерен для этого направления, хотя повествует не о массовом насилии, а о страданиях одной юной девушки. Мать

¹⁷ Самым первым был рассказ Лю Синьхуа 劉心武 (р. 1942) «Классный руководитель» («Бань чжужэнь» 班主任), опубликованный в журнале «Народная литература» в 1977 г. [Лю 1982].

¹⁸ Стоит, вероятно, отметить, что поворотный в истории Китая III пленум ЦК КПК XI созыва, в коммюнике которого говорилось о прекращении массовых политических кампаний и перенесении центра партработы на экономическое строительство, состоялся в Пекине только в декабре 1978 г.

шестнадцатилетней героини рассказа была обвинена в «контрреволюционной измене»¹⁹, и её, преподавателя, верного члена КПК, заставляли признаваться в как бы содеянной измене, требуя «писать саморазоблачительные письма». Девушка не только, что вполне естественно в той ситуации, поверила в эти обвинения, но и на себе испытала участь дочери «предательницы» — «от неё все отвернулись, её не приняли в хунвейбины». Дочь тяжело переживала всеобщее отвержение и возненавидела мать. «Ей казалось, что её собственное “чистое лицо” покрылось “шрамами, как у прокаженной”». Сбежав из семьи, она перебралась в другую провинцию, но и там сведения о её матери вмешались в жизнь девушки: её не принимали в союз молодёжи, её возлюбленный, сотрудник отдела пропаганды, не смог поддерживать с ней отношения, и только обучение детей в школе стало её «единственной отдушиной». Лишь по прошествии девяти лет, уже иначе оценивая свое поведение, она наконец прочитала письмо матери (все письма ранее она отсылала обратно не читая): та реабилитирована, больна и зовёт её домой. Девушка с радостью устремилась на встречу с матерью, но не успела, застав её уже умершей. На лице покойной она увидела не только глубокие морщины, но и шрамы (мать в письме с болью упомянула: «Шрамы в сердце [моего] ребенка еще глубже, чем у меня»). Конечно, автор этого произведения был еще молод (24 года), к тому же «следует помнить, что это было первое произведение после “черно-белой” литературы 1949–1976 гг., поэтому автор вряд ли мог в одночасье разрушить трафареты и проигнорировать идейность», предписанную писателям в то время в Китае.

Опубликованный рассказ Лу Синьхуа активно читался и чрезвычайно эмоционально обсуждался²⁰. Ведь автору рассказа «Шра-

¹⁹ Здесь и далее рассказ «Шрамы» цитируется по [Никитина 2017].

²⁰ Он бурно обсуждался и за три месяца до опубликования, когда многие плакали, читая вывешенный автором рассказ на стенде шанхайского университета Фудань 复旦 (куда Лу поступил при первом приёме после «культурной революции») — его преподаватель сказал автору, что «произведение правильное, но публиковать его точно не будут». Но автор был не согласен «мариновать своё произведение лет десять в письменном столе». Служа в канцелярии особого отдела гарнизона Цюйфу 曲阜 в Шаньдуне «с помощью заместителя командира роты» он

мы» удалось «обрисовать исковерканные душу и разум, совершенно “дикий” ход мыслей и чувств тех людей, которые прошли и пережили Культурную Революцию» [Ивлев 2012]. Тому, что многие критики не видели «эстетической ценности» подобных произведений, «были свои причины: во-первых, острая необходимость выговориться (форма изложения в данном случае не играла ни малейшей роли) и, во-вторых, снижение общего уровня эстетического восприятия в Китае» [Дрейзис 2017]. «Но произведения “литературы шрамов” глубоко эмоциональны и связаны с личными переживаниями писателей»; и, с другой стороны, «именно с их появлением произошло возвращение к литературе “обычного человека”: герой не обязан больше быть рабочим или крестьянином, он не говорит заученными партийными фразами, он наделен своими слабостями и недостатками, которые уже не подвергаются острой критике» [Ивлев 2012].

К 80-м гг. «литература шрамов» (как и последующая за ней и названная «литературой дум о прошедшем», продолжавшая критику «культурной революции»), пишет Ю. А. Дрейзис, «практически исчерпала себя — предыдущее поколение за десять лет высказало все, что наболело и о чем думалось, а молодое было занято уже совсем иными проблемами. Писатели континентального Китая все реже обращались к моментам из печального прошлого, а количество новых уникальных направлений начало постепенно расти» [Дрейзис 2017]. Но, думается, то, о чём говорит Юлия Александровна (проблема стиля, направления, к которому можно отнести то или иное произведение), — это то, что интересует и фиксируется литературоведами. Однако тема «культурной революции» как важного этапа формирования в юном человеке установок порой всей его последующей жизни присутствует в литературе

многое «смог прочитать о “ядовитых сорняках”» в библиотеке Педагогического университета Цюйфу и ознакомиться с классической литературой от Мао Дуня 茅盾 (1896–1981) до Льва Толстого (1828–1910) и «других западных авторов», поэтому «он внезапно подумал», что «самый большой ущерб китайскому обществу [«культурная революция»] нанесла не тем, что поставила экономику на грань краха, а тем, что оставила неизлечимые шрамы на теле и разуме каждого». Этим своим пониманием, что «культурная революция» — «это катастрофа», Лу Синьхуа «хотел поделиться с людьми» [Ци-Лу И-дянь 2021].

в том или ином виде до сих пор, она может появиться в произведении бывшего активного или пассивного участника «культурной революции» или малолетнего её наблюдателя, как, например, Юй Хуа, а может отразиться в объёмном романе 20-х гг. нашего столетия, повествующего о жизни уже внуков того поколения, как в романе современной писательницы Чжан Юэжань 张悦然 (р. 1982) «Кокон» («Цзянь» 茧) [Чжан 2021]: близкие друзья детства, узнают мрачную историю, произошедшую с их дедами, профессорами крупной, хотя и провинциальной медицинской клиники: одного хунвейбины довели до состояния так называемого овоща, второй же уничтожил конкурента в профессии, лишив его шанса на выздоровление, вбив ему в череп гвоздь, но под грузом раскаяния повесился. Уже учась в университете, взрослея, юноша и девушка начинают понимать, что тянутся друг к другу и одновременно отталкиваются, не силах забыть эту старую семейную историю.

Что же касается «литературы ран и шрамов», то следует, представляется, упомянуть, что вместе с молодёжью вернулись и те, кто попал в опалу и тоже проходил «обучении у крестьянства» ещё со времён борьбы с «правыми»²¹. И одними из известнейших представителей литературы этого направления старшего поколения являются «китайский Шаламов»²² Чжан Сяньлян 张贤亮 (1936–2014), осужденный в 1958 г. и реабилитированный лишь в 1979 г., и «китайский Солженицын» Ван Мэн 王蒙 (р. 1934)²³, осуждённый впервые в 1957 г., в 1964 г. вновь направленный в деревню, в Синьцзян, и реабилитированный в 1978 г.

Конечно, читать произведения, описывающие период «культурной революции» в активной фазе действий хунвейбинов, не просто тяжело, а, представляется, даже опасно для психики. Однако, считают некоторые, «лишь немного, что вышло из-под пера творцов рассказов и романов этого течения, смогло в полной точности отразить все то, что двигало народом в столь трудные времена и именно в том направлении, в котором нужно было наивысшим постам, не имеющим единого лица. Да и не везде бы-

²¹ Кампания против правых [элементов] (*фань ю юнь-дун* 反右运动) — политическая кампания против предполагаемых «буржуазных правых элементов» в КНР и внутри Компартии Китая. См. [Усов 2009; Выступления Мао Цзэдуна].

²² Подробно см. [Болдырева, Асафьева 2019].

²³ Краткую биографию Ван Мэна см. в Приложении.

ла описана моральная ломка людей, попавших в наитруднейшее положение зверя революции» [Цырендоржиева 2010]. Как замечает С. А. Торопцев (в переводах которого издано подавляющее большинство произведений Ван Мэна на русском языке), «многих в Китае сломали подобные политические “кампании перевоспитания”», однако Сергей Аркадьевич утверждает: «многих — но не Ван Мэна» [Ван 2005]. Но повести самого Ван Мэна показывают, что сломать не сломали, но поломали, можно сказать, изрядно. Так, в повести «Компривет» («Бу-ли» 布礼)²⁴ [Ван 2014] описано, как сосланные в далёкие горные деревушки люди одного социально-политического склада с автором — верные члены партии, причисленные к «правым элементам», прошедшие длительную проработку, в том числе «тройками»²⁵, не только «трудились вместе с крестьянами и городскими “ответработниками” (также отправленными на перевоспитание), но “элементы”²⁶ брались, по своей ли воле или по принуждению, за сверхнормативные работы», «они как бы шли в бой, в сражение, вели огонь по буржуазии, по вражеским элементам собственного сознания»²⁷. «Мы же преступники», — говорит герой рассказа тринадцатилетнему сельскому парнишке, жалеющему его. «Работать так работать, и ещё соревноваться, и еще критиковать и поощрять, как свободная минутка, так начинают сравнивать и по ранжиру расставлять, кто как трудится и дисциплину блюдет: первая категория — перевоспитываются как надо, вторая — так себе, третья — неважно, а четвертая — безнадежные, те, кто свои антипартийные, антисоциалистические гранитные башки

²⁴ Букв. «Бо[льшевистский] ритуал [приветствия]». — *Ред.*

²⁵ «Тройки» в Китае были созданы в период борьбы с «правыми элементами» по аналогии «троек» НКВД СССР (однако в КНР будто бы без участия прокуроров) — органов административной (внесудебной) репрессии, в обязательном составе включали руководителя управления НКВД СССР (республики, края, области), секретаря соответствующего комитета ВКП(б), а также местного прокурора, созданные в целях проведения операции по репрессированию «антисоветских элементов» и действовавшие в Союзе ССР с августа 1937 по ноябрь 1938 г.

²⁶ Т. е. «правые элементы», в категорию которых попал герой Ван Мэна, в значительной степени его alter ego.

²⁷ Здесь и далее цит. по: [Ван 2014].

собираются, видимо, унести с собой на небеса». Однако «после года истаивал былой энтузиазм трудовой перестройки, нет-нет да и проступала сквозь напряженность физического труда духовная пустота»: ибо они «жаждут по собственной инициативе отпартовать о переменах в своем сознании, а их никто не хочет слушать», будто вся эта история критики и самокритики была для того лишь, чтоб «прибавить в горном районе одну трудовую единицу». Герою было страшно вспоминать, что происходило в пятидесятых годах, «немало он пережил черных ночей и беспросветных дней, месяцев, лет». Но потом пришло «необычное какое-то духовное состояние», «казалось — это начало покорности, начало падения». И герой приходит к выводу: «большая польза от физического труда в том, что он не оставляет тебе ни сил, ни времени на пустые размышления». Поддержкой были письма жены, которые «возвращали ему уверенность, чувство достоинства», но «двадцать с лишним лет страданий преобразили его и внешне, и внутренне, он стал другим человеком. Суровая действительность раскрыла ему глаза, и теперь его страшили лишь телесные муки, а с душевными терзаниями было покончено». Но, наконец, в 1978 г. («сразу после 3 пленума ЦК КПК, положившего начало новому курсу страны, но еще до возвращения в Пекин») «остались позади безжалостное время и еще более безжалостные, чем время, испытания».

В этой же повести Ван Мэна есть интересный диалог между героем и бывшим секретарём райкома, который пытался защитить его во время суда над ним в 1958 г. Прежде всего бывший секретарь райкома спросил, не зол ли герой на партию и людей, судивших в 50-х его как «правого элемента» и винуясь, что они тогда «слишком дорожили своими чиновными шапками». «Будь мы с самого начала чуточку трезвей, ответственнее, реалистичней, к спускаемым сверху указаниям отнеслись бы критически, решились бы побиться за справедливость в таких делах, как твое, не страшили бы нас дубинки, утрата должности; расправь мы плечи, быть может, вовремя и покончили бы с этим левацким произволом». «Народ же верил нам. А мы — мы отравили враждебностью, сомнением, недоверием свою жизнь, воздох родины, молодые сердца, искренне любившие и поддерживавшие нас... Ведь это страшная трагедия!».

А практически заканчивается повесть «Компривет» Ван Мэна абзацем (невозможно не привести его полностью!): «Как прекрасна наша страна, как велика наша партия! Пусть нагромождены горы клеветы и поклепов, наша партия, как легендарный Юй-гун²⁸, сумеет сбросить их в море. Пусть разлиты океаны грязи и наветов, наша партия осушит их, как легендарная птица Цзинвэй²⁹. Пусть выйдет из употребления это старомодное слово «компривет», пусть даже люди забудут это слово, пришедшее из другого времени, но позвольте нам еще раз воспользоваться им и обратиться с комприветом к товарищам Хуа Гофэну, Е Цзяньину, Дэн Сяопину!³⁰ С комприветом, товарищи коммунисты всей страны! С комприветом, коммунисты всего мира, — с комприветом!» Но, думается, это особая категория «человеков» — как писал Владимир Маяковский (1893–1930), «гвозди бы делать из этих людей».

Однако из текста этой же повести Ван Мэна видно, что даже в одинаковой ситуации люди, естественно, поступают по-разному: вовсе не все «шли в бой, в сражение, вели огонь по буржуазии, по вражеским элементам собственного сознания», не все вкладывали в сверхурочную работу революционный смысл, устраивали в «трудовом лагере» нечто подобное соцсоревнованию и «боялись унести свои антипартийные, антисоциалистические гранитные башки с собой на небеса»³¹. Но это

²⁸ Герой старинной китайской притчи, популярной в период маоизма, «Юй-гун передвигает горы» («Юй-гун и шань» 愚公移山), о возможности невозможного с помощью упорства и труда.

²⁹ *Цзинвэй-няо* 经纬鸟 — по преданию, дочь императора, которая утонула юной в море и, превратившись в птицу, пыталась камнями и веточками засыпать его, то ли мстя, то ли чтобы с другими подобного не случилось.

³⁰ Три главных политических деятеля КНР на момент данного монолога.

³¹ Жертвам «борьбы с правыми» в определённом смысле «повезло»: жёсткая критика в СМИ, проработка партийными «тройками», бредовые обвинения (скажем, о мечтах вернуть Чан Кайши или нечто в том же духе и тоже нередко лживое), требование написания саморазоблачительных писем, «перевоспитание физическим трудом» под наблюдением, в конце концов политическая смерть — исключение из КПК: это всё было очень серьёзно для тех, кто попал в категорию «правых», но это значительно отличалось от физического насилия и издевательств хунвейбинов, которые тоже в некоторых случаях приводили к смерти,

вовсе не отменяет того, что человек, вырванный из нормальной, привычной жизни, лишённый достигнутого статуса, морально угнетённый лживыми обвинениями, изолированный от родных и близких, в условиях тяжёлого физического труда и сложного быта, чувствует безысходность и теряет веру в окончание этого ужаса. Небезынтересно между тем отметить, что про молодёжь не забывали и в период её нахождения уже на «перевоспитании» в сельской местности. В 1975 г., еще в условиях маоистского понимания задач литературы, в издательстве «Шанхай вэньи» 上海文艺 инициировали формирование сборника эссе так называемой «грамотной молодежи». Сборник «Лети, современная Куньпэн³²» («Фэй ба, шидай дэ Куньпэн» 飞吧、时代的鲲鹏) был готов к 1977 г., но «за эти два года произошли значительные изменения, многие мысли из тех эссе уже не соответствовали времени, а потому сборник пошёл на макулатуру, только каждому автору выслали по экземпляру на память» [Ван 2015]. Сама идея дать молодёжи возможность высказаться гуманна и продуктивна, однако не полностью ясно, что всё-таки скрывается за причиной «отправки сборника на макулатуру»: то ли не соответствие высказываний молодых авторов ещё маоистским канонам писательства, то ли образовавшаяся некая неопределённая ситуация в стране, ведь в 1977 г. уже умер Мао Цзэдун, арестовали «банду четырёх», которых позже судили, Дэн Сяопин вернулся из ссылки, и хотя «компромиссы и борьба прагматиков и выдвигенцев Культурной революции» определяли и работу, и документы XI съезда КПК (август 1977 г.) [XI Всекитайский съезд КПК 2007], в партии разгоралась дискуссия о «непогрешимости» Мао Цзэдуна.

только физической (забитием палками или ногами, или доведением до самоубийства, или даже расстрелом, что называется, без суда и следствия). См. Юй Хуа: «На расстрел преступников местное население ходило как на праздник <...> завязанные за спиной руки за долгое разбирательство становились багрово-чёрными <...> гангрена <...> руки умирали ещё до расстрела» [Юй 2012, с. 104–106].

³² Благодарю А. Б. Старостину за два варианта перевода термина *кунь-пэн*: «исполин Кунь Пэн» (А. Панцов) и «рыбоптица Кунь-Пэн» (С. Торопцев), о происхождении термина см. [Рифтин 2006] (букв. «Лети, Куньпэн [нашей] эпохи». — *Ред.*).

В одном автобиографическом рассказе из сборника 2002 г. «Эпоха отшельничества» («Иньцзюй шидай» 隐居时代), посвященном «переобучению» в деревне, Ван Аньи пишет: «В ту эпоху молодежь поголовно загорелась идеей с помощью литературного творчества выразить свои мысли и чувства». Причинами были прежде всего то, что «это молодое поколение испытывало уныние и тоску, его будущее было туманным, и эта “туманность” была не такой, как во времена 4 мая, когда все слепо блуждали и не знали, что же выбрать и что решить. Тут же дело было в том, что никакого выбора не стояло, люди оказались бессильны» [Семенюк 2017, с. 17]. Действительно, в период «перевоспитания» в сельской местности у молодёжи абсолютно не было понимания, когда закончится и закончится ли в конце концов такая тяжёлая и бессмысленная жизнь³³ (большинство грамотной молодёжи довольно быстро поняли, что учиться, в привычном им понимании этого слова, у крестьян нечему). Однако утверждение Ван Аньи, что вторая вдохновляющая молодёжь причина заняться литературным творчеством заключалась в том, «что литература стала единственной формой личной свободы, доступной молодежи, у которой не было других возможностей, это была та сфера, в которую не так сильно вмешивалась политическая власть»³⁴, по крайней мере вызывает сомнение — поскольку разговор вёлся об условиях ещё официально не прекращённой «культурной революции».

Но не прошло и восьми лет после официального окончания «культурной революции», как «в декабре 1984 года председатель КПК Ху Яобан призвал к “творческой свободе”, тем самым положив конец очередной зачистке неугодных авторов, имевшей место при так называемой кампании против “духовного загрязнения” (цзинчу цзинишэнь ужань 清除精神污染)» [Дрейзис 2019, с. 180].

Есть ещё один интересный вариант работы с молодёжью в период «культурной революции», который стоит, думается, тоже отметить: создание культурно-производственных отрядов (вэньгун туань 文工团)³⁵ из молодёжи (уже в большинстве своём

³³ См., например: [Дай 2006, с. 20].

³⁴ Цит. по: [Семенюк 2017, с. 17].

³⁵ Подобные группы могли называться по-разному: судя по всему, это зависело от цели создания или формы организации: или агитбригада

находившейся в сельской местности). Это явление — в некотором смысле «наследие» Красной Армии, оно «родилось в раздираемую войной эпоху», когда после «Гутяньской конференции (*Гутянь хуйи* 古田會議) 1929 г. различные части Китайской Рабоче-Крестьянской Красной Армии формировали из своих солдат [обладающих определёнными качествами] пропагандистские группы», первой из которых стала созданная в 1931 г. при Центральном военно-политическом училище РККА «Театральная труппа 1 августа», «ставшая к тому же армейским профессиональным творческим коллективом» [Сюй 2017]. «С тех пор в различных полках и фронтах Красной Армии последовательно создавались [так называемые] литературно-художественные кружки», которые использовали пение, танцы, драму и другие формы как для проведения пропагандистской работы, так и «для поддержания духа воинов» (устраивая для солдат концерты) [Там же]. В качестве примера — вновь сведения из биографии Ван Аньи. В 1970 г., «вдохновлённая призывом “учиться у крестьян”», она едет в деревню в провинции Аньхой, но «энтузиазм быстро сменился глубоким разочарованием, и Ван Аньи начинает искать возможность покинуть производственную бригаду» [Семенюк 2017, с. 16], что сделать было не так-то просто: ведь практически теперь молодой человек оказывался прописанным в сельской местности, в том числе его продовольственный паёк можно было получить только по месту этой сельской прописки [Чжан 2008, с. 472]. Появление набора в культурно-производственные отряды и обучение Ван Аньи в детстве игре на аккордеоне вселяли надежду, но неоднократные поездки для прослушивания в разные провинции (и это разрешалось) результата не дали (не было вакансии для умеющего играть на аккордеоне). Пришлось два года Ван Аньи потратить на овладение виолончелью и до возвращения в Шанхай в 1978 г. [Семенюк 2017, с. 17] работать в подобном отряде в городе Сюйчжоу 徐州³⁶ провинции Цзянсу.

(*сюаньчуань дуи* 宣传队), или профессиональная (*ю чжуанье* 有传业), или самодеятельная (*ю еюй* 有业余) (см.: [Сюй 2017] (буквально *вэнь-гун туань* 文工团 переводится как «отряды культурной работы»)).

³⁶ Сюйчжоу не провинциальный центр, но исторический город и ж/д узел с 6 809 138 жителей на 1984 г. (см. [Xuzhou]). Представляется,

К сожалению, в данных о молодёжи в процессе нахождения «обучения у крестьян» наличествует больше сообщений о сложностях быта и непривычного тяжёлого труда (являющегося, в конце концов, повседневной жизнью крестьян). Но реально не акцентируется прописка молодых горожан в сельской местности и связанные с этим последствия (в том числе права на свободное передвижение и продовольственный паёк, который именно поступал только именно по месту этой прописки); ничего практически не говорится о контроле за соблюдением молодёжью процесса «обучения у крестьян», не очень понятны взаимоотношения «работников агитотряда» с высланной в сельскую местность молодёжью; не ясно, насколько широко была вовлечена молодёжь в написания эссе в пределах страны и кто санкционировал поездки по городам и весям на прослушивание в оркестры. Некоторые подобные моменты тем не менее интересны, но нет полноты данных о них и не ясна их связь с политикой КПК или, возможно, с провинциальными органами. Что же касается использования художественных произведений³⁷, которые порой не столько лите-

немало подобных оркестров было создано по стране и для кого-то, возможно, определило дальнейшее профессиональное будущее (не менее интересен состав инструментов оркестра, виолончель ранее не числилась в китайских инструментах, но это — уже по специальности музыковедов).

³⁷ Уже столько раз приводились высказывания и литературоведов, и писателей, доказывающих, что литература — «явление не только литературное, но и общественно-политическое и культурно-историческое» [Хузи-ятова 2008, с. 4]; российский прозаик А. Варламов говорил про нашу литературу: «Я убежден в том, что литература всегда ставит социальный диагноз, литература такая, какая она есть. И дело не в том, написана она на "тройку", "четверку" или "пятерку", а в том, что все-таки это скол нашей современной жизни. Поэтому тот, кто возьмет на себя труд эти... произведения прочесть и над ними поразмыслить, он, может быть, сделает какие-то социальные выводы о том, что происходит с Россией, с русским обществом» [Объявлен «длинный список»... 2009, настоящий материал произведен иностранным агентом «Радио Свобода»]; «... уже развивается история повседневности», и «общественная жизнь перестала рисоваться как совокупность больших и малых коллективов и групп. Ныне она представляется как публично высказанная позиция отдельных людей и их семей», — пишет д. и. н., профессор, сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Н. Л. Пушкарёва [Пушкарёва 2015].

ратурные, сколько исповедального или, во всяком случае, мемуарного характера, лично пережитого, то выбираю тех авторов (надеюсь, что не ошибаюсь) которые не дают повода сомневаться в правдивости сообщаемых ими сведений.

Одним из таких писателей, как мне кажется, является и Чжан Жун, автор и одна из действующих лиц романа «Три диких лебедя. Три дочери Китая» [Чжан 2008] (первое издание [Zhang 1991], подробно см. [Wild Swans]). Переводчик с английского Роман Шапиро на обороте титула в краткой аннотации, называя это произведение «книгой» (а не каким-либо более привычным литературоведческим термином), отмечает, что автор «точна́ и беспристрастна в оценке общественно-политических событий и предельно честна́ в раскрытии самоощущений людей, попавших под колеса истории». Конечно, оценка отдельного человека общественно-политических событий чрезвычайно интересна, но, скорее всего, говорит не только (и не столько) о мнении одного человека, сколько о его ближайшего окружения. Представляются особенно интересными самоощущения и соответствующее поведение этого круга молодёжи: рождалось ли у них некое иное, новое, выстраиваемое прямо-таки на ходу миропонимание, ведь эта молодёжь должна была в скором времени войти в активную, так сказать, взрослую жизнь страны.

Тексты типа книги Чжан Жун — просто кладёзь описания мыслей, чувств и поступков молодых людей, той их, возможно малой, части, которая пытается как-то сопротивляться жизни по прописанной им колее. Таких произведений не много, по сути их можно назвать мемуарами — конечно, во многом субъективными, но при всех ее минусах передающими атмосферу того времени, того, что уже никогда нельзя вернуть или повторить, понять и прочувствовать. А это ценно, представляется, само по себе. Одновременно можно, вероятно, понять, было ли вынесено что-то

Да и Ф. Энгельс (1820–1895) ещё в 1888 г. писал, что Оноре де Бальзак (1799–1850) в ««Человеческой комедии» даст нам самую замечательную реалистическую историю французского “общества” [с 1816 по 1948 год], из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше (например, о перераспределении движимого и недвижимого имущества после революции), чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых» [Маркс, Энгельс 1965, с. 36].

положительное из этого, в сущности, кошмара хотя бы малой частью молодёжи (которая, заметим, далеко не вся принимала активное участие в «культурной революции»).

Когда с июня 1966 г. прекратилось школьное обучение, как пишет Чжан Жун, «не было школы — не было надзора за нами. Но что мы могли поделать с нашей свободой? Не существовало ни книг, ни музыки, ни фильмов, ни театра, ни музеев, ни чайных — почти никаких развлечений кроме карт, которые, несмотря на запрет, потихоньку вернулись в наш быт... Естественно, многие отдавали своё время хунвейбинским занятиям», ...«но вступать в хунвейбины не заставляли» [Чжан 2008, с. 448]. К концу 1966 г. молодые люди по тем или иным причинам начали отходить от активной деятельности хунвейбинов и покидать «революционные» отряды: кто-то по причине того, что «детей из осуждённых семей заставляли “проводить черту” между собой и родителями» [Там же]. Многие, впрочем, повиновались: так, «одна из дочерей Лю Шаоци писала “разоблачающие” её отца дацзыбао... Некоторые... изменяли фамилии в знак отречения от отцов, другие никогда не навещали родителей в заключении, третьи даже участвовали в “митингах борьбы” против родителей» [Там же].

Кто-то, преждевременно приехав в Пекин на встречу с Мао Цзэдуном, решил воспользоваться правом бесплатного пользования железнодорожным транспортом, предоставленного хунвейбинам, и съездить на родину Вождя. А кто-то нередко продолжал путешествовать и далее по просторам Родины, уже теряя всякий политический смысл, и вернувшись домой, не возвращался к «революционной» работе. Жизнь тем не менее шла даже на фоне трагедий, происходящих вокруг: то у близких знакомых родители покончили с собой, не выдержав издевательств хунвейбинов; то студент, вместе с сокурсниками по Пекинскому авиаучилищу «обвиненный в попытке создать антимаоистскую партию», — когда за ним пришла полиция, он выбросился из окна четвертого этажа, некоторых его соратников-«заговорщиков» казнили, других приговорили к пожизненному заключению, «обычному наказанию за попытку организовать оппозицию» [Чжан 2008, с. 451]) Родители самой Чжан Жун также были арестованы, однако были и некоторые семьи, «которые не пострадали» [Там же]. При этом Чжан Жун отмечает, что её друзья, как и «миллионы китайцев, следова-

ли вековому принципу верности: «давать угля, [когда] идёт снег» (*ся сюэ сун мэй* 下雪送煤). Так, многие не переставали общаться с родственниками осуждённых и помогали им при необходимости («и это одно помогало выжить в самые тяжелые годы “культурной революции”», и хотя «власть не распространялась так далеко», «тем не менее они рисковали, плывя против течения») [Там же].

Такая особенность «культурной революции», как чёрный рынок, интересен уже своим наличием, однако не менее впечатляет и явная, многосторонняя активность, которая разворачивалась на его территории. «В Сычуани, в центре Чэнду, в середине главной торговой улицы высилась бронзовая статуя Сунь Ятсена как возглавлявшего республиканскую революцию 1911 года» [Там же, с. 454]. Знали ли хунвейбины что-то про Сунь Ятсена, про революцию 11 года — вопрос в данном случае открытый, но известно, что «после начала “культурной революции” они оскверняли суньятсеновскую символику, пока Чжоу Эньлай не запретил им это. Статуя сохранилась» [Там же]. Тем не менее некое в виде скверика оформление вокруг статуи «уничтожили как проявление “буржуазной упадочности”» [Там же]. Именно вокруг этой статуи и расположился черный рынок.

«Коммерческий инстинкт в китайцах так силен, что черный рынок, величайший капиталистический кошмар Мао, существовал и в самый разгар “культурной революции”» [Там же]. Ведь деньги у людей были — был, естественно, и спрос. «Мао не давал трогать чрезвычайно способного премьер-министра [Чжоу Эньлая], благодаря которому экономика оставалась на плаву. Страну не доводили до полной разрухи [Там же, с. 488]³⁸. Но тем не менее «культурная революция» парализовала многие хозяйственные отрасли, множество товаров и продуктов продавалось по карточкам (а бывало, как, например, в Чэнду, что год не было сахара, полгода — мыла)». Кто-то ещё работал и, стало быть, получал зарплату, при этом и ошельмованные, подвергаемые моральному и физическому насилию, часто уже находившиеся под арестом, полностью вырванные из привычной трудовой занятости люди (неважно, был человек чиновником или преподавателем,

³⁸ И даже в это время в Сычуане «создавалась новая промышленная база. Теория Мао гласила, что сычуаньские горы будут лучшей защитой от американской или советской агрессии» [Там же, с. 493].

рисовал ли картины, или стоял у станка, или что-то иное) также регулярно получали свои зарплаты.

Однако 2 июня 1968 г. была принята «новая система»: удерживалась часть зарплаты «попутчиков капитализма», а «для их иждивенцев теперь денежное пособие было небольшим» [Там же, с. 461]³⁹. У кого-то «возникали сложности». Как пишет Чжан Жун, их доход уменьшился более чем вполтину. Они «не голодали, но больше не могли ничего покупать на черном рынке, а государственное снабжение ухудшалось с каждым днем (лишь 200 г мяса на человека в месяц) и сложно было наскрести продуктовые передачи для сидящих в заключении родителей» [Там же, с. 461–462]. То есть потребности людей так или иначе удовлетворялись, не только в продуктах питания, одежде, но и в других товарах: например, очень популярными были всевозможные детали (пользовались большим спросом полупроводниковые, с помощью которых умельцы паяли радиоприёмники, продававшиеся очень бойко и за хорошую цену, «были в фаворе, потому что “распространяли слова Председателя Мао”») [Там же, с. 456]. На рынок заходили коллекционеры, собиравшие «марки, картины и тому подобное», запрещённое ныне как «буржуазная привычка», а теперь, когда «многие фабрики прекратили обычное производство и выпускали вместо этого алюминиевые значки с портретами Мао», «инстинкты коллекционеров обратились на этот предмет» — хотя операции со значками все равно проводились втихую [Там же]. Причины этого не совсем понятны: было ли организовано подпольное производство этих значков старого образца или перепродажу как такового символа верности вождю могли посчитать проявлением политической незрелости или даже политическим проступком? «Великий Кормчий, — пишет Чжан Жун, — даже и не подозревал, что изображение его головы превратилось в объект капиталистической спекуляции, на борьбу с которой он положил столько сил» [Там же].

Когда хунвейбины стали совершать налеты на дома, изымая книги, и жечь их на кострах, на чёрном рынке начали торговать книгами. Это делали и некоторые «хунвэйбины, пытавшиеся заработать на конфискованных книгах, дельцы, почувствовавшие

³⁹ Есть некоторые вскользь упоминания, что родственники каким-то образом могли пользоваться заплатами арестованных [Там же, с. 494].

запах денег, ученые, которые не хотели, чтобы их книги сгорели, но боявшиеся держать их дома» [Там же, с. 454–455]. Любителей книг оказалось немало — покупалась и китайская классика, и западная, в том числе и русская, можно было купить «даже конан-дойлевского Шерлока Холмса, которого в Китае очень любили». Не покупались книги со штампами библиотек, «боялись при обыске попасть на выяснение, как оказались владельцами государственной собственности». Дороже всего стоили романы с эротическими пассажами» (куда входил и роман «“Красное и черное” Стендаля, стоивший двухнедельного заработка обычного человека») [Там же, с. 455]. Периодически приезжали на грузовиках *цзаофани*, конфисковывали товар, избивали, «кололи чем-нибудь острым в ягодцы, грозились в следующий раз наказать вдвойне» [Там же, с. 456], но ничего не менялось.

Брат автора «Диких лебедей «получил свой первоначальный капитал из конторы вторсырья» (куда тоже сдавали произведения, которые боялись держать дома) [Там же, с. 455], скупая там книги большими партиями (прочитывая при этом интересующую его литературу) и перепродавая их на черном рынке; ходил на рынок каждый день («обложку книг, если хранил дома, заменяя обложкой “Избранных произведений Мао Цзэдуна”»). Конечно, и радиоприемники клепал, и значками и прочим торговал. Сколько было таких активных жителей в Сычуани — данных нет, однако следует отметить, что это было практически не только личным, индивидуальным выбором человека: отчасти, представляется, многое является результатом того, что эти люди родились и жили в Сычуани.

Сычуань — одна из самых густонаселённых провинций и один из главнейших сельскохозяйственных регионов Китая, богатый минеральными и топливными ресурсами. Однако он богат не только природными дарами: люди этих мест с древних времён также вносили свой вклад в развитие этого богатства. К примеру, ещё со времён царства Шу 蜀 сычуаньская парча, широко известная как «парча Шу» (*Шу цзинь* 蜀錦), пользовалась на протяжении всего Шелкового пути (Сычуань в принципе считается «матерью парчи»). Ещё одним даже более важным для последующего развития этого региона является то, что Сычуань именуется также «матерью бумажных денег». Политически Сычуань тоже внесла свой

вклад в развитие страны — в 1911 г. в провинции началось Сычуаньское восстание, которое считается предтечей Синьхайской революции, а трудность доступа к региону по суше из восточной части Китая и туманный климат, препятствовавший точности японских бомбардировок Сычуаньской котловины, сделали этот регион оплотом гоминьдановского правительства Чан Кай-ши в 1938–45 гг. Таким образом, данный регион имеет долгую и многостороннюю историю, при этом местные достижения порой влияли не только на ситуацию внутри самого региона, но и на финансовую, экономическую и политическую сферу во всей стране. Эта особенность Сычуани (и её жителей, естественно, тоже) проявилась и в 1978 г., когда пришел к власти Дэн Сяопин: Сычуань была одной из первых провинций, начавших экспериментировать с рыночным хозяйствованием. Ведь людям типа брата Чжан Жун ничего объяснять было не надо — только дать свободу действия. Их вышеописанная особенность — вовлеченность в коммерцию — тем более интересна, что в определённой степени как бы подготовила некоторую (пусть и малую) часть населения к принятию и реализации на практике идей будущих реформ Дэн Сяопина, поскольку как подтверждает опыт иных стран, никакие реформы неосуществимы одними призывами и приказами сверху без поддержки снизу.

В текущей ситуации провинциально-столичный Чэнду по различным положительным рейтингам и по темпам развития начинают сравнивать с другим городом из первой десятки Китая — Шэньчжэнем 深圳. Вхождение Китая в новую экономическую политику касается не только чисто экономических проблем, интересных, бесспорно, самих по себе, но и обычных людей, принимающих непосредственное участие в этих процессах. Обыденный человек — основное звено общества, играющее важную роль в его развитии и вносящее свой вклад в формирование общественного мнения, общих ценностей и установок. Своими действиями, словами и мыслями человек воздействует на окружающих и тем самым определяет то, как общество будет развиваться в дальнейшем [Китова, Журавлев 2021]. Конечно, для конкретных прогнозов такого рода хотелось бы опираться на всесторонний многопрофильный анализ проектов построения новой экономики в Китае: что эффективней, в чём минусы, в чём плюсы, как живут не только те, кто олицетворяют город, но и те, кто

работает на заводах, фабриках, в ресторанах и прачечных, и т. д. Интересно было бы узнать и о том, как проходили и проходят реформы в других провинциях. Как бы то ни было, во всём, что касается человеческого фактора, вряд ли найдётся автор, равный Чжан Жун по информативности касательно жизни обычных людей).

**Приложение,
в котором приводятся некоторые биографические сведения
о людях, ставших вольными или невольными участниками
«культурной революции»**

Ван Мэн 王蒙; родился в 1934 г. в Пекине, в интеллигентной семье: его отец, уроженец уезда Наньпи 南皮 провинции Хэбэй, преподавал в Пекинском университете, мать — из Цанчжоу 沧州 той же провинции, преподавала в начальной школе в Пекине [Ван Мэн (цзоцзя)]. Другом отца Ван Мэна был Хэ Цифан⁴⁰. Ван Мэн учился в Пекинской школе № 4⁴¹, в возрасте 12-

⁴⁰ Хэ Цифан 何其芳 (1912–1977) — китайский поэт, эссеист, литературный критик. Хэ родился в уезде Ваньсянь 万县, провинция Сычуань, изучал философию в Пекинском университете, уехал в Яньань 延安, где включился в активную поэтическую и литературно-организаторскую работу. Он преподавал в Художественной академии имени Лу Синя (Лу Сюнь ишу сюэюань 鲁迅艺术学院), изучал марксистско-ленинскую эстетику, писал литературоведческие и критические статьи. В 1940-е гг. — декан литературного факультета академии. После 1949 г. сосредоточил внимание на литературной критике, исследовании литературной теории и преподавании. С 1959 г. — директор Института литературы АН Китая (Чжунго шэхуй кэсюэюань вэньсюэ яньцзюсо 中国社会科学院文学研究所). Был членом Китайской федерации литературы и искусства (Чжунго вэньсюэ ишу цзе лянхэхуй 中国文学艺术界联合会) [Хэ Цифан а]. Его не пощадили во время «культурной революции»: он был назван «капиталистическим бродягой» и умер от болезни 24 июля 1977 г. [Хэ Цифан b].

⁴¹ Пекинская средняя школа № 4 (Бэйцзин-ши ди-сы чжунсюэ 北京市第四中学, сокр. Бэйцзин сы-чжун 北京四中) была основана в 1906 г. в качестве первой в ряду нескольких начальных и средних школ, когда в результате реформ Ста дней (Бай жи вэйсинь 百日维新) цинское правительство, ликвидировав имперскую систему экзаменов, приступило к реорганизации системы академических

ти лет вступил в подпольную организацию КПК; в 1948 — в КПК; работал в рабочем комитете Коммунистического союза молодежи, учился в его Центральной школе. В 1955 г. Ван Мэн начал публиковаться в журналах; 1956 г. — рассказ «Новичок в орготделе» («Цзучжи бу синьлай дэ циннянь жэнь» 组织部新来的青年人) принёс ему всекитайскую известность, а в 1957 г. Ван Мэн был объявлен «правым элементом», исключён из партии и направлен на «трудовое перевоспитание» в горную деревушку в Синьцзяне. Реабилитирован в 1978 г. В 1979 г. «получил статус “профессионального писателя”», вошёл в состав Пекинского отделения Союза писателей КНР⁴². Член ЦК КПК (1985–2003, не включен далее по возрасту), министр культуры (1986–1989). Ван Мэн активно печатается (к 2003 г. в КНР и за рубежом вышло 155 отдельных изданий его произведений, в том числе во Франции, Японии, Германии, Италии, США, России), неоднократно был удостоен премий за лучший рассказ. Издательство «Жэньминь вэньсюэ» 人民文学 выпустило «Собрание сочинений Ван Мэна» («Ван Мэн вэнь цунь» 王蒙文存) в 23 томах. «Основная тема произведений Ван Мэна — интеллигенция и партработники <...> содержательная сверхидея — движение сознания от былой скованности к освобождению от догм, к признанию самооценности личности. <...> Творческая манера писателя наиболее ярко проявляется в рассказе, он тяготеет к широкому и глубокому подтексту, разветвленной ассоциативности» [Ван Мэн]. В КНР в 2002 г. создан Институт изучения творчества Ван Мэна. «Согласно концепции творчества Ван Мэна, литература, являясь серьезным трудом, должна быть прежде всего социально значима. Литература призвана учить, вникать в жизнь, в сущность человека, воспитывать характер,

исследований и образования. В гоминьдановский период с сентября 1912 г. называлась столичной государственной средней школой № 4 (Цзин-ши гун-ли ди-сы чжун сюэ 京师公立第四中学), при этом КПК вело активную идеологическую работу среди преподавателей школы и её учащихся [Beijing No. 4 High School].

⁴² На форуме «Союз писателей» о нем приводятся различные сведения, в том числе дан «Биографический очерк» С. А. Торопцева [Ван Мэн... 2011]; о нем есть информация и на других российских литературных сайтах, например [Ван Мэн — о писателе].

поднимать нравственный уровень, увеличивать знания о личности. Литературное творчество, по Ван Мэну, существует в поле общественной жизни, роль его сводится к воспитательной, познавательной и эстетической функциям» [Шулунова 2005].

Кан Шэн 康生 родился около 1898 г. в Датайчжуане 大臺莊 провинции Шаньдун в семье землевладельцев, «некоторые из которых были учеными-конфуцианцами». Кан получил начальное образование в немецкой школе в Циндао, после ее окончания преподавал в сельской школе в родном уезде Чжучэн 诸城; «в начале 1920-х гг., возможно, уехал в Германию и Францию». В 1924 г. поступил в Шанхайский университет (который «находился под контролем КПК»), вступил в КПК, участвовал в организации рабочих забастовок; в 1931 г. встал во главе созданного Чжоу Энляем Комитета по специальной работе⁴³, «отвечал за весь коммунистический аппарат безопасности и шпионажа не только в Шанхае, но и во всем Гоминьдане в Китае»; четыре года провёл в Москве, исполняя обязанности заместителя Ван Мина в Коминтерне и «изучая методы НКВД». Вернувшись в Китай в конце 1930-х гг., Кан Шэн «перешел на сторону Мао Цзэдуна и стал близким соратником Мао во время антияпонской войны, гражданской войны в Китае и после нее». «Он оставался на вершине власти в Китайской Народной Республике с момента ее основания в 1949 г. и до своей смерти в 1975 г.». После смерти Мао Цзэдуна и последующего ареста «банды четырех» Кан Шэна обвинили в ответственности за эксцессы «культурной революции», и в 1980 г. он был посмертно исключен из КПК и удалён с революционного кладбища Бабаошань⁴⁴ (Бабаошань гэмин гунму 八宝山革命公墓) — «главного места упокоения в Пекине самых высокопоставленных революционных героев», что является знаковым способом репрессии уже покойных отступников от «праведного пути» КПК [Kang Sheng].

⁴³ Центральный отдел специальных операций КПК (*Чжунго гунчаньдан чжунъян тэбе синдун кэ* 中国共产党中央特别行动科). — *Ред.*

⁴⁴ На этом кладбище хоронят «высокопоставленных государственных чиновников и, в последние годы, тех, кого ценят за заслуги перед обществом» [Babaoshan Revolutionary Cemetery].

Е Цзяньин 叶剑英 — «государственный деятель и стратег Коммунистической партии Китая». Е Цзяньин родился в 1897 г. в области центрального подчинения Цзяин 嘉应 провинции Гуандун, в семье богатого купца из народности хакка⁴⁵; ранние годы провёл в Сингапуре и Ханое, в 1919 г. окончил Юньнаньскую военную академию (Юньнань цзюньши сюэюань 云南军事学院)⁴⁶ и вступил в Гоминьдан. Преподавал в Военной академии Вампу

⁴⁵ Представляются небезынтересными некоторые данные об этой народности, в КНР считающейся частью китайской (ханьской) национальности, однако отличающейся собственным языковым диалектом *кэцзя хуа* 客家话, обычаями и традициями, некоторыми особенностями материальной культуры и высокой социальной сплочённостью. В XII в. с боями отступавшие от нашествия «воинственных чжурчжэней» массы переселенцев (по разным данным, от сотни тысяч до миллиона человек) устремились на юго-восток Китая (провинции Цзянси, Фуцзянь, Гуандун) и были названы местными жителями «пришлыми семьями», или «гостевыми семьями» — «хакка» (*кэцзя* 客家). Безрезультатно пытаясь отвоевать плодородные земли, часть этих «гостевых семей» продолжила миграцию, и не только в страны Азии, но и на другие континенты; на 2000 г. во всем мире насчитывалось около 32 млн хакка, а на Тайване численность народности хакка составляет сегодня около 5 млн человек, или больше 20 % населения острова [Хакка (народ)]. «Из-за невозможности прокормиться за счет земледелия многие хакка выбирали карьеру чиновника или армейскую службу. Это определило, во-первых, повышенное стремление хакка к учебе, во-вторых, их большую численность в органах власти и в армии, и в генералитете» [Хакка — китайские евреи 2015]. Среди представителей этого этноса много известных фамилий: Сунь Ятсен (Сунь Исянь 孙逸仙, 1866–1925), супруги Сунь Ятсена и Чан Кайши (Цзян Цзеши, 1887–1975) — сестры Сун Цинлин 宋庆龄 (1893–1981) и Сун Мэйлин 宋美龄 (1897–2003); первый демократически избранный бывший президент Китайской Республики Чэнь Шуйбянь 陳水扁 (р. 1950) и многие другие известные на острове политики, бизнесмены и общественные деятели, многолетний премьер Сингапура Ли Куан Ю (Ли Гуанъяо 李光耀, 1923–2015), и даже в Канаде 26-м генерал-губернатором была хакка — родившаяся в Гонконге Эдриенн Кларксон (У Бинчжи 伍冰枝, р. 1939), приехавшая в Канаду в малолетнем возрасте с родителями, бежавшими от японцев [Хакка (народ)].

⁴⁶ Существовала с 1909 по 1935 г.

(Хуанпу цзюнь-сяо 黃埔軍校)⁴⁷. В 1927 г. вступил в КПК, в том же году участвовал в Наньчанском восстании, а затем в Гуанчжоуском и дважды вынужден был бежать в Гонконг (однако избежал всех обвинений в провале восстаний). В 1928 г. был направлен в Москву, где изучал военное дело, учился в Коммунистическом университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. Вернувшись в Китай в 1930 г. (или 1932 г.), служил в штабе 4-й армии; признав во время «Великого похода» (*чан чжэн* 長征 — передислокации Красной армии в Яньань) неправильной военную тактику руководства этого штаба, «переметнулся» на сторону Мао Цзэдуна, «захватив с собой все книги с кодами и карты, в результате чего... Мао установил связь с Коминтерном, что привело к тому, что Коминтерн признал лидерство Мао в Коммунистической партии Китая... Мао никогда не забывал заслуг Е и говорил: “Е Цзяньин спас партию, армию и революцию”». В годы японо-китайской войны (1937—1945) Е работал представителем ЦК КПК в Чунцине при гоминьдановском правительстве. В 1948—1949 гг. Е — первый мэр Пекина, одновременно выполняет задание Мао Цзэдуна по созданию Военно-политического университета [НОАК] на севере Китая (Хуа-бэй цзюнь чжэн дасюэ 華北軍政大學). С ноября 1948 г. по сентябрь 1953 г. — губернатор провинции Гуандун, после образования КНР в 1949—1955 гг. — глава парткома провинции, до декабря 1952 г. — мэр провинциальной столицы Гуанчжоу». Поскольку «большинство кантонских землевладельцев сами были крестьянами, которые участвовали в производстве, не эксплуатируя своих арендаторов, он отказался лишать землевладельцев собственности и вместо этого защищал их предприятия и землю», что противоречило «общим директивам партийной земельной реформы, в которой подчеркивалась классовая борьба». Мао сместил его с политических постов, оставив военные. В 1954–1976 гг. он —

⁴⁷ Впоследствии была переименована в Военную академию Китайской Республики (Чжунхуа миньго лу-цзюнь цзюнь-гуань сюэсяо 中華民國陸軍軍官學校, букв. «Академия офицеров сухопутных войск Китайской Республики»). Наряду с Национальным университетом Чжэнчжи (Голи Чжэнчжи дасюэ 國立政治大學), первым учебным заведением государственной службы, являются престижными инкубаторами для высших государственных служащих [Republic of China Military Academy].

зампред Госсовета обороны. С введением воинских званий в НОАК Е Цзяньину было присвоено звание маршала (27.09.1955) в числе первых десяти маршалов КНР. В 1958–1972 гг. — президент Академии военных наук НОАК (Фан-цзюнь цзюнь-ши кэсюэ-юань 解放军军事科学院). Используя своё армейское влияние, Е Цзяньин в 1966 г. активно выступал «против беспорядков в армии», подвергался резкой критике со стороны Цзян Цин, Кан Шэна, Чэнь Бода 陈伯达 (1904–1989), Се Фучжи, «защищал и поддерживал реформистов, предотвратил попытку убийства Дэн Сяопина во время “культурной революции”». В 1973—1982 гг. Е — один из зампредов КПК (X–XI созывов); после смерти Линь Бяо 林彪 (1907–1971) — министр обороны КНР (1975—1979). Благодаря поддержке председателя Хуа Гофэна был утверждён заместителем председателя партии на XI съезде КПК в 1977 г. После смерти Мао организовал арест «банды четырёх». Был одним из инициаторов возвращения Дэн Сяопина на руководящие посты. В 1978–1983 гг. — председатель Постоянного комитета ВСНП (в те годы — пост формального главы государства). В 1979 г. Е Цзяньин опубликовал «Послание к соотечественникам на Тайване» («Гао Тайвань тунбао шу» 告台湾同胞书), в котором указывалось, что, конечно, «осуществление воссоединения Китая является стремлением народа и веянием времени», но также предлагалось «развивать торговлю и общаться друг с другом» по обе стороны Тайваньского пролива», «осуществлять экономические обмены», а также чтобы «обе стороны как можно скорее осуществили воздушное и почтовое сообщение». В сентябре 1980 г. Е Цзяньин занимал пост председателя Комитета по внесению поправок в Конституцию и руководил разработкой двадцати двух законов, таких как Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс. 30 сентября 1981 г. Е Цзяньин предложил («Руководящие принципы и политика») провести переговоры между Гоминьданом и Коммунистической партией по тайваньскому вопросу, «чтобы реализовать третье сотрудничество между двумя партиями». В 1985 г. Е Цзяньин покинул состав Политбюро в связи выходом на пенсию. Умер в октябре 1986 г. в Пекине. В предложенных трактовках этих двух источников, возможно, присутствуют некоторые иные представления о ряде действий Е Цзяньина, но они подтверждают его личные качества, в том числе умение вести переговоры, что заслуживает должного внимания.

Се Фучжи 谢富治 родился в 1909 г. в уезде Хуанъань 黄安 провинции Хубэй, работал кустарём. В 1930 г. «вступил в Китайскую рабоче-крестьянскую армию. Вступил в КПК в 1931 г.; служил политическим комиссаром НОАК; в 1949 г. был назначен заместителем министра общественной безопасности; «всегда отличался эффективностью и верностью Мао Цзэдуну»; в 1955 г. ему было присвоено звание генерала армии; избран членом ЦК КПК в 1956 г., был членом Центральной военной комиссии. Летом 1966 г. назначен министром общественной безопасности. «Его стойкая поддержка “культурной революции” привела в 1966 г. к избранию членом Политбюро, секретарём Секретариата и членом реорганизованного Пекинского комитета КПК», а также членом влиятельной группы «культурной революции». Се в отличие от других генералов Народно-освободительной армии «любил красногвардейцев и стремился развить их как параллельную армию, как особые силы безопасности». Се Фучжи оставался министром безопасности вплоть до своей внезапной смерти в 1972 г. «Некоторые, однако, считают, что его вышеприведённая речь в 1966 г. спровоцировала последовавшее затем насилие». Се Фучжи «был идентифицирован в официальных документах как в равной степени ответственный за эксцессы “культурной революции” и виновный в “антипартийной деятельности”» с соответствующим посмертным исключением из партии в 1980 г. и выносом его праха с Революционного кладбища Бабаошань [Xe Fuzhi].

Чжан Жун 张戎 (Jung Chang): род. 25 марта 1952 г. в г. Ибинь 宜宾 Специального района Ибинь (*Ибинь чжуань-цзюй* 宜宾区专). Отец Чжан Жун, принимавший участие в освобождении родной ему Сычуани от гоминьдановцев, после победы возглавляет руководство в Ибине, но из-за письма Мао Цзэдуну об ошибочности проведения «культурной революции» был арестован, из ссылки освобождён («после смерти Линь Бяо»), но не реабилитирован, а по состоянию здоровья, кремирован в Чэнду в апреле 1957 г.

А это — не столько деятели, сколько те, кого считают триггерами, спусковыми крючками «культурной революции»:

Не Юаньцзы 聂元梓 родилась в 1921 г. в богатой семье в уезде Хуасянь 滑县 провинции Хэнань. Её старший брат Не Чжэнь 聂真 был основателем коммунистической ячейки в округе. В июле 1937 г. (в возрасте 16-ти лет) Не Юаньцзы присоединилась к коммунистическому сопротивлению в Шаньси, прошла военное обучение в Тайюаньском государственном педагогическом институте (Тайюань голи шифань сюэюань 太原国立师范学院). Вступила в КПК в 1938 г., в 1940-х — переехала на базу коммунистов в Яньани, где познакомилась в том числе и с Кан Шэном. Не Юаньцзы работала в Цицикаре, в Харбине в отделах пропаганды; в 1959 г. развелась с мужем, причисленным к «правым». С 1963 г. занимала высокие административные должности в Пекинском университете. 19 апреля 1978 г. — арестована, в 1983 г. — осуждена на 17 лет («контрреволюционная деятельность и клевета»), досрочно освобождена по состоянию здоровья, умерла 28 августа 2019 г. (98 лет). В 2005 г. опубликовала свои воспоминания в Гонконге [Не Юаньцзы 2005].

Сун Биньбинь 宋彬彬 родилась в 1949 г., дочь Сун Жэньцзюна 宋任穷 — одного из «отцов-основателей Нового Китая» (Чжунго кай го юаньсюнь 中国开国元勋), которых также именуют «восемью небожителями» (ба-сянь 八仙). В 1960 г. поступила в экспериментальную Среднюю школу при Пекинском педагогическом университете (Бэйцзин шифань дасюэ фушу чжунсюэ 北京師範大學附屬中學) — одну из старейших школ Китая. Мао дал Сун имя Яо-у 姚武, известна фотография, на которой Сун Биньбинь повязывает на площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдуну красную повязку с надписью жёлтым «хунвейбин» (двумя неделями ранее Бянь Чжунъюнь 卞仲耘 (1916–1966), глава её школы, была забита до смерти деревянной палкой — это была одна из первых смертей «культурной революции»). Вскоре Сун Биньбинь стала членом одной из многочисленных хунвейбиновских фракций «Сяо яо» 逍遙 (букв. «Вольное странствие») и покинула свой отряд. В апреле 1968 г. Сун Биньбинь и её мать отправили в Шэньян под домашний арест, откуда «она бежала» весной 1969 г. в автономный район Внутренняя Монголия. Весной 1972 г. — «по рекомендации

местных пастухов и бригадной общины» Сун Биньбинь (будто бы «под давлением») получила направление в университет, но «из-за слухов» лишь позже поступила в институт геологии Чанчуня по квоте «рабоче-крестьянского солдата» («где в 1975 получила степень бакалавра»); в 1973 г. — отправлена работать в «Синьхуа», «где жила, ела и спала на фабрике»; в 1975 г. — переведена на завод, производивший некую аппаратуру для Пекинского университета. После окончания аспирантуры Китайской академии наук (1978-1980) Сун в 1980 г. уехала в США: получила степень магистра в геохимии в Бостонском университете (1983) и докторскую степень — в Массачусетском технологическом институте (1989). После натурализации в том же 1989-м работала в Департаменте охраны окружающей среды в Массачусетсе (1989–2003). В 2003 г. Сун вернулась в Китай — в качестве председателя британской компании Beijing Cobia System Engineering Co., Ltd. (впоследствии — Beijing Cobia Innovation Technology Development Co., Ltd). В сентябре 2007 г. в честь 90-летия школы Сун Биньбинь назвали одной из 90 «почетных выпускниц». «Этот вопрос вызвал разногласия», когда Ван Цзиньяо 王晶焄 (1921–2021), муж забитой палками преподавательницы (Бянь Чжунъюнь) выразил протест, считая, что Сун Биньбинь была «главным человеком, руководившим “Красной гвардией” в школе во время “культурной революции”», и, следовательно, ответственна за смерть его жены». 2 января 2014 г. под светом софитов, в присутствии журналистов от имени бывших учеников спецшколы при Педагогическом университете, учителей и членов семей выпускников Сун Биньбинь извинилась за действия хунвейбинов во время “культурной революции” (в некоторых интервью Сун отрицала личное участие в этой экзекуции). «Извинения в Китае были встречены со смешанной реакцией»: «некоторые люди не приветствовали ее слова; некоторые говорили, что эти слова пришли слишком поздно и неадекватны; другие — что Коммунистическая партия Китая должна извиниться за инциденты, произошедшие в то время, и всё это спровоцировало не закончивший практически до сих пор разговор об ответственности и покаянии главных руководителей отрядов “Красной гвардии”» [Song Binbin].

Источники и литература

XI Всекитайский съезд КПК 2007 — XI Всекитайский съезд КПК // Китайский информационный интернет-центр. 17.06.2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950974.htm (дата обращения 09.08.2023).

Беседа с руководящими работниками ЦК — Беседа с руководящими работниками ЦК // Выступления Мао Цзэдуна, не публиковавшиеся ранее в китайской печати. Выпуск пятый: 1964–1967 годы // Веб-сайт Российской маоистской партии Маоизм.ру. URL: <http://maoism.ru/16984> (дата обращения 09.08.2023).

Болдырева, Асафьева 2019 — *Болдырева Е. М., Асафьева Е. В.* Литература «ран и шрамов»: Чжан Сяньлян — «китайский Шаламов» // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 204–213.

Ван 2005 — Ван Мэн: «Чувствую, что попал к старым друзьям» / Запись беседы и вступление С. Торопцева // Иностранная литература. № 4, 2005 // Сетевое издание «Горький». URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/4/van-men-chuvstvuyu-chto-popal-k-starym-druzyam.html> (дата обращения 09.08.2023).

Ван 2014 — *Ван Мэн*. Компривет / Пер. С. Торопцева // Библиотека электронной литературы в формате fb2. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/M/men-van/izbrannoe/3> (дата обращения 09.08.2023).

Ван 2015 — *Ван Аньи*. Песня о бесконечной тоске / Пер. с кит. М. В. Семенюк. М.: Восточная литература, 2015.

Ван Мэн — Ван Мэн // Портал «Книгогид». URL: <https://knigogid.ru/authors/24483-van-men> (дата обращения 09.08.2023).

Ван Мэн... 2011 — Ван Мэн — китайский писатель и общественный деятель // Литературный форум «Союз писателей». URL: <https://soyuz-pisatelei.ru/forum/56-1221-1> (дата обращения 09.08.2023).

Ван Мэн — о писателе — Ван Мэн — о писателе // Книжный рекомендательный сервис Livelib.ru. URL: <https://www.livelib.ru/author/105977-van-men> (дата обращения 09.08.2023).

Ван Мэн (цзоцзя) — Ван Мэн (цзоцзя) 王蒙 (作家) (Ван Мэн (писатель)) // Википедия, свободная энциклопедия. URL: [https://zh.wikipedia.org/zh-hans/王蒙_\(作家\)](https://zh.wikipedia.org/zh-hans/王蒙_(作家)) (дата обращения 09.08.2023).

Виноградов 2006 — *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации: Социально-политические и социокультурные ас-

пекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М.: ИДВ РАН, 2006.

Выступление на рабочем совещании ЦК — Выступление на рабочем совещании ЦК // Выступления Мао Цзэдуна, не публиковавшиеся ранее в китайской печати. Выпуск пятый: 1964–1967 годы // Веб-сайт Российской маоистской партии Маоизм.ру. URL: <http://maoism.ru/16980> (дата обращения 09.08.2023).

Выступления Мао Цзэдуна — Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск второй: июль 1957 — декабрь 1958 года // Веб-сайт Российской маоистской партии Маоизм.ру. URL: <http://maoism.ru/12192> (дата обращения 09.08.2023).

Дай 2006 — *Дай Сы-цзе*. Бальзак и портниха-китаяночка / Пер. с фр. Д. Цывьяна. М.: Иностранка, 2006.

Дмитриев 2017 — *Дмитриев С. В.* Хунвейбины // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4672309 (дата обращения 09.08.2023).

Дрейзис 2017 — *Дрейзис Ю.* От шрамов до детективов. Путеводитель по современной китайской литературе. Часть первая // Сетевое издание «Горький». URL: <https://gorky.media/context/ot-shramov-do-detektivov/> (дата обращения 09.08.2023).

Дрейзис 2019 — *Дрейзис Ю. А.* Основные тренды в развитии литературы КНР с 1949 года по настоящее время // Проблемы Дальнего Востока. № 5 (1). 2019.

Желоховцев 1979 — *Желоховцев А. Н.* Литературная теория и политическая борьба в КНР. М.: Наука, 1979.

Значение слова «штрих» // КартаСлов.Ру — Карта слов и выражений русского языка. URL: [https://kartaslov.ru/ значение-слова/штрих](https://kartaslov.ru/значение-слова/штрих) (дата обращения 09.08.2023).

Ивлев 2012 — *Ивлев Л. А.* Десять абзацев о «Литературе шрамов» // Веб-сайт о современной литературе Китая Sanwen.ru. URL: <http://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/> (дата обращения 09.08.2023).

Имантов 2015 — *Имантов В.* Как разгромили «банду четырех» // Цех социальной мысли Sensus Novus. Публикация от 19.11. 2015. URL: <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2015/01/19/20018.html> (дата обращения 09.08.2023).

Китова, Журавлев 2021 — *Китова Д. А., Журавлев А.Л.* Мирозрение как психологический феномен в обыденном представлении Россиян // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 106–117.

Культурная революция — Культурная революция // Википедия, свободная энциклопедия (французская версия). URL: https://ru.frwiki.wiki/wiki/Revolution_culturelle (дата обращения 09.08.2023).

Куртуа и др. 2001 — *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Славный час хунвэйбинов // Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии. М.: Три века истории, 2001.

Лю 1982 — *Лю Синь*у. Классный руководитель / Пер. А. Желуховцева // Люди и оборотни. Рассказы китайских писателей. М.: Прогресс, 1982. С. 84–106.

Маркс, Энгельс 1965 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Пролетарии всех стран, соединяйтесь! // Сочинения. Издание второе. Т. 37. М.: Институт марксизма–ленинизма при ЦК КПСС, 1965.

Не Юаньцзы — Не Юаньцзы 聂元梓 // Интернет-энциклопедия Байду. URL: <https://baike.baidu.com/item/聂元梓> (дата обращения 09.08.2023).

Не Юаньцзы 2005 — Не Юаньцзы. Вэнь-гэ (у да линсю): Не Юаньцзы хуйи лу 文革（五大領袖）：聶元梓回憶錄 («Культурная революция» (пять великих вождей): записи воспоминаний Не Юаньцзы). Гонконг: Шидай гоци чубань юсянь гунсы 時代國際出版有限公司, 2005.

Никитина 2017 — *Никитина А. А.* Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб.: СПбГУ, 2017.

Объявлен «длинный список»... 2009 — Объявлен «длинный список» «Русского Букера» // Веб-сайт радио «Свобода» (признано иноагентом). URL: <https://www.svoboda.org/a/1768489.html> (дата обращения 28.08.2016).

Пекинская весна — Пекинская весна // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пекинская_весна (дата обращения 09.08.2023).

Пушкарева 2015 — *Пушкарева Н. Л.* Очерк истории общественного быта 1990–2015: взгляд историка повседневности // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 4–5. С. 23–39.

Рифтин 2006 — *Рифтин Б. Л.* Пэн // Духовная культура Китая: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2006. С. 553.

Семенюк 2017 — *Семенюк М. В.* Специфика художественного мира произведений Ван Аньи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: ИСАА МГУ, 2017.

Ст-Жюст 2020 — *Ст-Жюст Х.* Последнее пристанище хунвейбинов // Журнал Географического общества Израиля «ИсраГео». 15.07.2020 URL: <https://www.isrageo.com/2020/07/15/hunvenbiin/> (дата обращения 14.06.2021).

Стульникова 2016 — *Стульникова Э. Ф.* Феномен «культурной революции» в КНР: истоки, характер развития, современные оценки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань: КФУ, 2016.

Судьбы культуры КНР 1978 — Судьбы культуры КНР (1949-1974) / Ред. В. А. Кривцов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.

Сюй 2017 — *Сюй Пин* 徐平. Цун «Фан-хуа» тань 70 няньдай будуй вэнь-гун туань 从《芳华》谈 70 年代部队文工团 («О войсковых культурно-производственных отрядах 70-х гг. в свете [рассказа] “Юность”») // Новостной портал Центрального военного совета КПК. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI2MzAwOTgyNQ==&mid=2649930777&idx=1&sn=8bd802133d30fec8143f86d4689998a4 (дата обращения 09.08.2023).

Указание относительно объединения трёх сторон — Указание относительно объединения трёх сторон // Выступления Мао Цзэдуна, не публиковавшиеся ранее в китайской печати. Выпуск пятый: 1964–1967 годы // Веб-сайт Российской маоистской партии Маоизм.ру. URL: <http://maoism.ru/17084> (дата обращения 09.08.2023).

Усов 2009 — *Усов В. Н.* Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг. // Духовная культура Китая: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2009. С. 308–351.

Хакка — китайские евреи 2015 — Хакка — китайские евреи // Интернет-блог Алексея Попова. 22.05.2015. URL: <https://poroffich.livejournal.com/114845.html> (дата обращения 09.08.2023).

Хакка (народ) — Хакка (народ) // Википедия, свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Хакка_\(народ\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Хакка_(народ)) (дата обращения 09.08.2023).

Хузиятова 2008 — *Хузиятова Н. К.* Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб: СПбГУ, 2008.

Хунвейбины — Хунвейбины // Википедия, свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хунвейбины> (дата обращения 09.08.2023).

Хэ Цифан а — Хэ Цифан (1912–1977) 何其芳 // Портал «Китайская поэзия». URL: https://chinese-poetry.ru/authors.php?action=show&record_id=301 (дата обращения 09.08.2023).

Хэ Цифан b — Хэ Цифан 何其芳 // Википедия, свободная энциклопедия. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/何其芳> (дата обращения 09.08.2023).

Цзаофани — Цзаофани // Википедия, свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цзаофани> (дата обращения 09.08.2023).

Ци-Лу И-дянь 2021 — *Ци-лу И-дянь* 齐鲁壹点. Лу Синьхуа тань цзао нянь чуанцзо гуши: се «Шанхэнь» юй цзай Цюйфу цзинли ю гуань 卢新华谈早年创作故事：写《伤痕》与在曲阜经历有关 (Лу Синьхуа рассказывает о своей ранней творческой истории: написание «Шрамы» связано с его опытом в Цюйфу) // Платформа Байду для специализированных энциклопедических статей «Байкэ Та-шо» (Baike TA 说). URL: <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=9e811c1403a08b312b92e514> (дата обращения 09.08.2023).

Цитаты председателя Мао Цзэдуна — Цитаты председателя Мао Цзэдуна // Сообщество «Пикабу». URL: https://pikabu.ru/story/tsitaty_i_predsdatelya_mao_tsyeduna_5329180 (дата обращения 09.08.2023).

Цырендоржиева 2010 — *Цырендоржиева Д. Д.* Конфликт личности в литературе «ран и шрамов» на примере повести Фэн Цзицяя «Крик» // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: филология. 2010. № 8.

Чжан 2008 — *Юн Чжан.* Дикие лебеди / Пер. с англ. Р. Шапино. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008.

Чжан 2021 — *Чжан Юэжань.* Кокон / Пер. с кит. А. Перловой. М.: Фантом Пресс, 2021

Чжао 2017 — *Чжао Мин* 赵明. Лу Синьхуа: Таньлань ши лин и дао шанхэнь 卢新华: 贪婪是另一道伤痕 (Лу Синьхуа: «Жадность — это ещё один шрам») // Веб-сайт «Юйянь взньсюэ ван» 语言文学网 («Язык и литература»). URL: <http://cll.newdu.com/a/201710/29/51104.html> (дата обращения 09.08.2023).

Чудодеев 2016 — *Чудодеев А.* Юбилей культурной революции (1996) // Веб-сайт радио «Свобода» (признано иноагентом). URL: <https://www.svoboda.org/a/27940036.html> (дата обращения 28.08.2016).

Штрих — Штрих // Википедия, свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Штрих> (дата обращения 09.08.2023).

Шулунова 2005 — *Шулунова Е. К.* Концепция творчества и творческой личности в прозе и публицистике китайского писателя Ван Мэна (1934 г. р.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: ИВ РАН, 2005 // Библиотека диссертаций DsLib.net. URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/koncepcija-tvorchestva-i-tvorcheskoj-lichnosti-v-proze-i-publicistike-kitajskogo.html> (дата обращения 09.08.2023).

Юй 2012 — *Юй Хуа.* Десять слов про Китай / Пер. с кит. Р. Г. Шапиро. М.: Астрель, 2012.

Юрьев, Глунин, Григорьев 1974 — *Юрьев М. Ф., Глунин В. И., Григорьев А. М.* Изменение курса руководства КПК во внутренней и внешней политике // История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. М.: Наука, ГРВЛ, 1974.

Babaoshan Revolutionary Cemetery // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Babaoshan_Revolutionary_Cemetery (дата обращения 09.08.2023).

Beijing No. 4 High School — Beijing No. 4 High School // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Beijing_No._4_High_School (дата обращения 09.08.2023).

Chang 1991 — *Chang Jung.* Wild Swans: Three Daughters of China. L.: Harper Collins UK, 1991.

Kang Sheng — Kang Sheng // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Kang_Sheng (дата обращения 09.08.2023).

Littérature des cicatrices — Littérature des cicatrices // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Littérature_des_cicatrices (дата обращения 09.08.2023).

Quotations from Chairman Mao Tse-tung — Quotations from Chairman Mao Tse-tung Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Quotations_from_Chairman_Mao_Tse-tung (дата обращения 09.08.2023).

Republic of China Military Academy — Republic of China Military Academy // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Republic_of_China_Military_Academy (дата обращения 09.08.2023).

Song Binbin — Song Binbin // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Song_Binbin (дата обращения 09.08.2023).

Wild Swans — Wild Swans //// Википедия, свободная энциклопедия. URL: [https:// en.wikipedia.org/wiki/Wild_Swans](https://en.wikipedia.org/wiki/Wild_Swans) (дата обращения 09.08.2023).

Xie Fuzhi — Xie Fuzhi // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Xie_Fuzhi (дата обращения 09.08.2023).

Xuzhou — Xuzhou // Википедия, свободная энциклопедия. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Xuzhou> (дата обращения 09.08.2023).

Ye Jianying — Ye Jianying // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ye_Jianying (дата обращения 09.08.2023).